

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ PROBLEMA PRINCIPALE

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.009-018

В. Н. Синюков

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Судебная доктрина в российском правопорядке

Резюме. В статье рассмотрены вопросы места и роли судебной доктрины в российском правопорядке, который идет к новому типу правовой коммуникации и нормативности. Предметом исследования являются догматические, системные, proceduralные, культурно-исторические, правоидеологические аспекты судебной доктрины как элемента российского правопорядка. Представлены исторические основания судебной мыследеятельности в России, корни дихотомии судебного и законодательного порядка социального регулирования. Делается вывод о ключевой роли суда в развитии отечественных государственности и правосознания, раскрываются черты судебной доктрины как важнейшего источника российской правовой идентичности. Характеризуется динамика российской судебной доктрины в XX в. и ее специфичные черты в XXI в. Раскрыты признаки современной proceduralной эпохи в виде нового соотношения судебных и несудебных порядков защиты права; перехода от разрозненных proceduralных инструментов к единому комплексу социального действия права, гибридным моделям активности суда. Обосновывается тезис, что судебная доктрина — центральная часть российской судебной практики; аргументируется вывод об утрате актуальности споров о прямой правотворческой функции суда. Делается предположение об изменении подходов к понятию формы права, которая в настоящее время включает множество регуляторов технической и комплексной политики-правовой природы. Раскрыты роль судебной доктрины как инновационного элемента правопорядка; ее правоидеологические аспекты, включая соотношение с наднациональными юрисдикционными концепциями. Выявлены тенденции развития судебной доктрины в России.

Ключевые слова: суд; судебная практика; судебная доктрина; правовая идеология; юридический процесс; Конституционный Суд России; Верховный Суд России; ЕСПЧ; источник; право

Для цитирования: Синюков В. Н. Судебная доктрина в российском правопорядке. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 1. С. 9–18. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.009-018

Judicial Doctrine in the Russian Legal Order

Vladimir N. Sinyukov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the place and role of judicial doctrine in the Russian legal order that is evolving toward a new type of legal communication and normativity. The author addresses the dogmatic, systemic, procedural, cultural-historical, and legal-ideological dimensions of judicial doctrine as an element of the Russian legal order. The study presents the historical foundations of judicial thought in Russia and traces the roots of the dichotomy between judicial and legislative modes of social regulation. The paper concludes that the judiciary has played a key role in the development of Russian statehood and legal consciousness, and it identifies judicial doctrine as a crucial source of Russia's legal identity. The study characterizes the evolution of Russian judicial doctrine in the twentieth century and its specific features in the twenty-first century. It highlights the indicators of

© Синюков В. Н., 2026

the contemporary procedural era, including the new relationship between judicial and non-judicial mechanisms for the protection of rights; the shift from fragmented procedural tools to a unified complex of law's social action and the emergence of hybrid models of judicial activity. The author advanced the thesis that judicial doctrine constitutes the central component of Russian judicial practice, and the argument is made that debates over the court's direct lawmaking function have lost relevance. The paper suggests a change in approaches to the concept of the form of law, which now encompasses a variety of regulators of both technical and complex politico-legal nature. It elucidates the role of judicial doctrine as an innovative element of the legal order and examines its legal-ideological aspects, including its relationship to supranational jurisdictional concepts. Finally, it identifies current trends in the development of judicial doctrine in Russia.

Keywords: court; jurisprudence; judicial doctrine; legal ideology; judicial process; Constitutional Court of the Russian Federation; Supreme Court of the Russian Federation; European Court of Human Rights (ECHR); source of law; law

Cite as: Sinyukov VN. Judicial Doctrine in the Russian Legal Order. *Lex russica*. 2026;79(1):9-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.230.1.009-018

Тема судебной доктрины предполагает выход за пределы собственно судебных нормо- положений в сферу судебной власти, судебной системы, судебной деятельности. Суд в любом обществе действует в рамках всех институтов правопорядка: права, законодательства, правоприменения, органов управления, надзора и контроля¹.

В правоведении пока не выработано достаточно четкого представления о роли судебной доктрины в системе российского правообразования и правоприменения. Весьма часто судебная доктрина вообще отождествляется с правовой доктриной либо, наоборот, с юридической практикой и процессом, правоприменительной активностью, интерпретацией правовых отношений и другими самостоятельными и смежными правовыми явлениями. В настоящее время закономерно предположить, что судебные концепции выполняют интегративную функцию в правовом регулировании, опосредуя право в профессиональной юридической деятельности, связанной с вынесением юридических решений компетентными органами государства и иными субъектами права.

Исторические корни судебной доктрины в России. Российская судебная организация мощно заявляла о себе как о самостоятельном правокультурном явлении с древних времен. Суд оказывает фундаментальное влияние на функционирование государственной власти в России в течение всей истории российской государственности.

Длительная континентальная традиция мифологизации закона привела к утверждению двух постулатов: признанию российской пра-

вой культуры наследницей византийской и европейской законодательных систем; противопоставлению российского правопорядка как законодательного правопорядку судебному. Между тем судебный характер русской правовой культуры существовал в России задолго до XVIII в., создав традицию, с которой империя долго не могла найти органического единства.

Времени возникновения континентальной правовой идентичности России предшествовал огромный исторический период судебного права Древней Руси, наследия Византии, Руси под ордынским игом, местного и великорусского судопроизводства.

Истоки российской судебной доктрины относятся к древним и средневековым актам русского права: Русской Правде, Псковской 1467 г. и Новгородской 1471 г. судным грамотам, судебникам 1497, 1550 и 1589 гг., Соборному уложению 1649 г.

Исторический ряд этих выдающихся актов свидетельствует о ключевой роли суда в развитии отечественной правовой государственности.

Реформы губернского и местного управления XVIII и первой трети XIX в., включавшего судебный компонент, сосуществовали с исконной отечественной традицией государственного правосудия, которое послужило высококультурной основой для дальнейшего развития судебной традиции. Так, средства доказывания «николаевского» уголовно-процессуального законодательства первой половины XIX в. при всех их архаизмах, эклектичности и дискретности «предопределили» вектор последующей интенсификации национального доказатель-

¹ Синюков В. Н., Синюков С. В. Инновационный правопорядок. Теория правопорядка В. В. Борисова в современном российском контексте. М., 2026.

ственного права на многие годы вперед. Именно на основе присущих “николаевскому” уголовному процессу инквизиционных подходов к средствам доказывания были сформированы “доказательственные” нормы Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., а затем — и соответствующие положения советского уголовно-процессуального законодательства. Более того, “следы” этих подходов можно обнаружить и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ»².

Ближайшие по времени источники современной российской судебной доктрины — судебные преобразования конца XIX и начала XX в. в рамках имперской и советской судебных форм — заложили основы нынешней судебной власти, определившей строительство государственно-правовых институтов России в XXI в. Характерными чертами этой доктрины стали постепенная институционализация разделения и одновременно интеграции судебной власти с иными институтами правопорядка; развитие судебной аргументации в условиях крупных систематизаций отечественного права; разработка теории судебного толкования; формирование методологии судебного правотворчества; образование специфических форм судебного активизма, отдельных судопроизводственных форм и многие другие концептуальные вопросы.

Особо следует выделить судебную реформу 1864 г. Из всей череды реформ второй половины XIX в. (крестьянская, земская, городская, военная, финансовая) именно эта очень спорная правовая новация продолжает оказывать значительное влияние на доктрину и судебную организацию в России.

Яркими примерами этого влияния стали либеральная Концепция судебной реформы 1991 г., создание системы апелляционных судов общей юрисдикции в 2019 г. Историческая традиция советского суда также продолжает воздействовать на судебную систему России.

Поэтому в соборной природе русской государственности утверждение пары «законодательство — суд» как полярной и дихотомичной выглядит в настоящее время во многом излишне схематично и нуждается в более интегративных характеристиках.

Судебная доктрина как базовый институт российского правопорядка. Правопорядок в России характеризуется сложным симбиозом

законодательных и судебных норм и принципов. Противопоставление закона и судебного акта — одна из наиболее неточных макроправовых характеристик отечественного правового мышления, которая не подтверждается конкретно-историческим анализом российского правопорядка, опирающегося на гораздо более вариативную систему управления правовыми отношениями.

Описывать современную российскую правовую цивилизацию как исключительно законодательную означает во многом воспроизводить прежнюю законоцентричную ориенталистскую правовую систему XX в.

Место и роль судебной практики в России есть показатель высокого уровня дифференциации и специализации источников российского права, что делает невозможной механическую идентификацию российской правовой цивилизации по исключительно законодательным критериям.

Один из источников народной правовой идентичности в России — ее суд. Судебный процесс позволяет выявить подлинные мотивы действий, насущные интересы и потребности людей, реальные конфигурации правоотношений. Поведение человека, его мотивы и цели, его культура раскрываются в конфликте, в судопроизводстве. Поэтому судебная практика дает важнейший опыт формирования отечественного правосознания, его соотношения с зарубежными культурами. Системно разработанная судебная доктрина — значимый вклад в развитие национальной традиции российского правового мышления.

Динамика российской правовой доктрины в XX в. В этот период был предвосхищен ряд системных явлений в развитии отечественной правовой традиции, таких как фактический приоритет актов Верховного Суда над иными правоприменительными актами; элиминация судебной доктрины текущих кодификаций отечественного права; возрастание роли судебной политики при реализации социально-экономических преобразований; развитие судебно-оценочной системы доказательств; рост многообразия форм активной роли суда в процессах различных видов; тенденция к упрощению судопроизводства с одновременным повышением юридической значимости его результатов; формирование гибридных квазиприватных

² См.: Россинский С. Б. Средства доказывания в «дореформенном» уголовном процессе Российской империи: уроки истории // Юридическое образование и наука. 2025. № 9. С. 27.

моделей судопроизводства, объединяющих юрисдикционные и исполнительные практики.

Развитие отечественной судебной доктрины в XXI в. В настоящее время правовая система России вошла в новую процессуальную эпоху, отражающую глобальные изменения в судебных производствах разрешения споров и в целом правозащиты. Суть этой трансформации состоит в новом соотношении судебных и несудебных порядков защиты права, баланс которых знаменует переход от разрозненных процессуальных, чисто судебных инструментов к единому комплексу социального действия права, в котором есть место новой типологии норм, правоотношений, гибридным моделям активности суда, эффективной координации правовых и социальных гарантий, судебных и внесудебных порядков защиты.

Всё это позволяет говорить о важной типологической эволюции отечественной судебной традиции в направлении беспрецедентного роста ее новой актуальности на основе синтеза национального и зарубежного опыта³.

Роль судебного правоприменения в системе источников права России культурно-исторически гораздо выше, чем в странах не только континентальной, но и англо-американской правовой традиции⁴, что не всегда учитывается отечественной теорией права. Эта роль, однако, не в формальных конституционных и квазиконституционных статусах, а в способности создавать и менять реальную картину правоприменения в сложной юридической гармонии с законодательным нормопорядком.

Несмотря на противоречивость нынешнего исторического этапа, социально-правовое регулирование стратегически становится гораздо более горизонтальным по сравнению с классическими административными регуляторами; судебная система в значительной мере адекватна этой тенденции.

В России в правопреемстве с имперским и советским периодами сформирована современная судебная организация, не повторяющая ушедший век и адекватная, с определенными оговорками, актуальным вызовам. Сегодня, с

учетом «доводки» функционала высших судебных инстанций, создается технически эффективный и одновременно социально гибкий суд, который способен соединить самые разные, до противоположностей, исторические источники судебной системы.

Место судебной доктрины в российской судебной практике. Отечественная судебная доктрина — центральная часть судебной юрисдикционной практики. Судебная практика — это основополагающий институт российского правопорядка, который находится в конституционном соотношении с институтами иных ветвей власти. Российская судебная доктрина складывается в результате деятельности высших судов Российской Федерации по формированию правоприменительных стандартов, которые оказывают разностороннее, в том числе в отдельных случаях определяющее, влияние на процессы создания, изменения или отмены как нормативных, так и индивидуальных юридических решений.

В юридической литературе высказаны различные суждения по вопросу прямой правотворческой функции суда, которые в их классических постановках о признании или непризнании результатов судебного нормотворчества источниками (формами) права во многом утратили в России и мире свою актуальность. По мнению исследователей, суды общей юрисдикции и арбитражные суды, рассматривая по существу либо пересматривая принятые нижестоящими судами судебные акты и применяя действующее право, вносят изменения в объем субъективных прав и обязанностей субъектов права, что даже с позиций классической континентальной правовой традиции представляет собой явление правообразования в его широком смысле.

Само понятие формы (источника) права в современных юрисдикциях становится гораздо шире, сложнее, так как включает множество регуляторов мягкой и комплексной социально-технологической и политico-правовой природы. В существующих условиях изменяется характер нормативности, которая лишается резких и формальных границ юридической силы,

³ См.: Шерстюк В. М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021 ; Стрельцова Е. Г. Приватизация правосудия : монография. М., 2021.

⁴ Русская художественная литература о суде, поисках правды и справедливости, преступлении и наказании носит экзистенциальный характер, чего не наблюдается ни в романском, ни англо-американском литературном каноне. Ср.: Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. М., 2017.

жесткой дилеммы общего и индивидуального, частного и публичного, абстрактного и конкретного. В системе таких регуляторов судебные источники, включающие правоприменительные позиции судов, решения по конкретным делам, разъяснения судебной практики и другие результаты деятельности судебной власти, выступают важнейшими нормативными фактами и растущей неотъемлемой частью механизма правообразования в России⁵.

Законотворческая практика показывает, что законодательные инициативы судебных органов в порядке ст. 104 Конституции РФ не очень значительны; среди таких инициатив практически нет законопроектов, уточняющих материальное и процессуальное право. Большинство проектов, исходящих от Верховного Суда России, носит учредительный характер в области самой судебной системы. Это свидетельствует о том, что у судебной власти имеются гораздо более фундаментальные и эффективные возможности правообразования и правоприменения, которые определяются ее собственным функциональным статусом, нежели участие в формальном законотворчестве. Речь не идет о конкуренции между законодательной, исполнительной и судебной властью в сфере правообразования. Нормативные prerогативы ветвей власти — единый регулятивный комплекс, в системе которого формируется российское право в единстве и конкретности его общих и индивидуальных измерений.

Судебная доктрина как инновационный элемент правопорядка. Инновационный правопорядок не может не включать в себя несколько регулятивных систем, каждая из которых создает свои источники новизны в правовых

отношениях. В российском правопорядке к таким системам относятся судебные доктрины Конституционного и Верховного судов России.

Значительный научный интерес представляет судебная доктрина как ведущая право-идеологическая и инновационно-творческая часть правообразования и правоприменения. Несмотря на роль мирового драйвера развития правового мышления, в России судебная доктрина менее всего состоялась именно в сфере комплексной научной рефлексии и институционализации правовых инноваций. В литературе практически отсутствуют работы, которые бы представили российскую судебную доктрину как конкретно-институциональное, системное и комплексное явление в академической форме, удобной для практического восприятия и использования. Судебная доктрина как комплексный институт научного правосознания и правоприменительной практики, отделенный от собственно актов судебной юрисдикции, формируется в России в XXI в.

По этой тематике сейчас стали появляться замечательные работы⁶. Большой вклад в развитие указанной темы вносят ученые Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Новый этап исследований был связан с вышедшей в 2021 г. книгой ученых Института, посвященной идейно-ценостным основаниям, методологическим и процессуальным факторам развития судебного аргументирования и усмотрения⁷. Эта работа — важный научный ориентир, создающий этапную преемственность и дискуссионно-методологическую основу для дальнейших постановок.

В отличие от упомянутых книг ученых ИЗиСП, посвященных главным образом важнейшим

⁵ См. об этом: *Бошно С. В. Прецедент, закон и доктрина (опыт социалого-юридического исследования)* // Государство и право. 2007. № 4 ; *Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории*. М., 2009 ; *Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения*. Саратов : СГЮА, 2021 ; *Перевалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации*. М., 2022 ; *Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебное право*. М., 2017 ; *Синюков С. В. Механизм правотворчества современного российского государства*. М., 2025 ; *Межеккей А. В. Правотворчество как единство его объективного и субъективного аспектов* // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 5. С. 168–170 ; *Лесив Б. В. Основы правового реализма О. Холмса* // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 6. С. 188–192.

⁶ См., например: *Марченко М. Н. Источники права*. М., 2005 ; *Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика* : монография. М., 2017 ; *Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации* : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023 (2-е издание этой книги под редакцией Т. Я. Хабриевой с предисловием И. Л. Подносовой вышло в том же издательстве в 2025 г.).

⁷ См.: *Судебные доктрины в российском праве: теория и практика* : монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.] ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗиСП : Норма, Инфра-М, 2021.

методологическим вопросам и «концептуальному обоснованию идеи судебных доктрин в праве и рассмотрению этого явления с философско-гносеологических позиций, конституционно- и международно-правовых оснований оценки и общей характеристики применительно к отечественному правовому опыту»⁸, новый этап развития российского правопорядка требует более прикладного, а также системного анализа конкретных правовых доктрин высших судебных инстанций России по базовым отраслевым направлениям, что сделает возможным нахождение способов юридической инкорпорации норм судебного правового регулирования.

Правоидеологические аспекты судебной доктрины. На новом этапе нуждаются в переосмыслении и некоторые правоидеологические позиции по принципиальным вопросам формирования судебной доктрины и в целом механизм генезиса права и судебного нормотворчества. Прежде всего это позиция в отношении культурно-исторической природы судебной практики как составной части явления права. Право — сложный институт национальной и мировой культуры, развитие которого нельзя свести к «приведению правовой системы в соответствие с общемировыми тенденциями в области развития права», и тем более вряд ли правильно именовать исторический процесс правовой динамики «модернизацией права»⁹. Мы полагаем, что право, включая его право-применительные и судебные институты, по своей природе не развивается в политической логике «модернизации»; даже реформы политического характера не реализуются в праве «модернизационным» методом, «без оглядки на исторически сложившиеся различия правовых школ, систем общего и континентального права», как это подчас представляется в отечественной пореформенной теории (Н. А. Власенко, Х. И. Гаджиев)¹⁰.

Развитие российской правовой системы нельзя отождествлять с неким общим «сближением» правовых систем, которое якобы «проявляется в ускоренном переходе судей континентальной правовой системы от дедуктивного мышления в решении дел при обнаружении новых проблем к более активному использова-

нию англо-американской практики и концепций в качестве основы для построения правовых конструкций и интерпретаций»¹¹. Регулятивная картина сочетания права и правоприменения, законодательства и судебной практики в каждой стране специфична. Россия выработала собственный образ сопряжения правообразования и правореализации, механизмы которых не сводятся к известной дилемме континентальной и англо-американской нормативных организаций.

Приходится также отграничить современный подход к судебной доктрине от разделяемой авторами из Института законодательства и сравнительного правоведения концепции правового плюрализма. По нашему мнению, автономия национальных и наднациональных образований не есть, по сути, «диалог судов», «совместное действие» инстанций; она основывается на природе национального публичного порядка, который, конечно, включает и международные аспекты в соответствии с Конституцией России. Концепция правового плюрализма апологизирует непредсказуемость и политическую зависимость судей наднациональных инстанций от культурного этноцентризма и идеологического истолкования судебных дел наднациональными центрами власти. Вряд ли в этом смысле следует согласиться с утверждениями, что «ЕСПЧ обязан своим успехом именно активной позиции судей и обоснованно гордится решениями на основе доктрины эволютивного толкования Европейской конвенции по правам человека», «отношение к Конвенции как к живому организму способствует развитию прав человека, усилиению защите основных прав»¹². По нашему мнению, именно концепция эволютивного и так называемого живого толкования Конвенции послужила причиной бесконечной политизации ЕСПЧ, произвольного толкования первоначально согласованных государствами норм в угоду чуждым России политизированным культурным экспериментам.

Таким образом, российская концепция судебной доктрины значительно отличается от европейской в ее нынешнем виде и тем более англо-американской, что вовсе не свидетельствует об отрицании зарубежного юридиче-

⁸ Судебные доктрины в российском праве. С. 18.

⁹ Судебные доктрины в российском праве. С. 21.

¹⁰ Судебные доктрины в российском праве.

¹¹ Судебные доктрины в российском праве. С. 23.

¹² Судебные доктрины в российском праве. С. 25.

ского опыта. Этот опыт, однако, должен получить в России преломление через российскую судебную практику и доктрину; он не может использоваться механически прямолинейно и апологетически. Так, институт независимости судей при политизированной интерпретации ЕСПЧ во многом игнорирует легальную зависимость судей от рамок национального законодательства, легитимного пересмотра их решений в апелляционном и кассационном порядках, признаваемые в конкретном обществе нормы правосознания, универсальные и национальные культурные ценности. Для интеграции этих и иных элементов необходима национальная судебная доктрина не только как теоретический концепт, но и как нормативная и предметная, в аспекте реальных общественных отношений, регуляторная составляющая право-применения.

Именно такие попытки — широкого выявления форм и способов учета в правовых отношениях результатов деятельности высших судов России — всё глубже проникают в современную национальную правовую идеологию, правообразование и правоприменение в России. Такой учет проводится в направлении прямого воздействия судебной практики на правообразование в виде руководящих разъяснений пленумов Верховного Суда России по вопросам применения и толкования законодательства; через «негативную» и «позитивную» юрисдикцию Конституционного Суда России; выработку высшими судами правоположений — суждений судов по тем или иным типичным ситуациям; через правовые позиции Конституционного Суда РФ по конкретным конституционно-правовым проблемам в результате толкования Конституции России, а также другие результаты юрисдикционной деятельности высших судов.

Наиболее актуален такой анализ в основных (базовых) отраслях российского права: конституционном, гражданском, уголовном, административном, финансовом, экологическом и процессуальном праве. Его итогом является формирование комплексного представления об институциональной роли и содержании судебной доктрины в правореализации. Эта роль никак не может быть сведена к каким-то отдельным институтам типа судебного прецедента, толкования права, индивидуального правоприменения, а представляет собой самостоятельный и идентичный отечественной правовой культуре симбиоз нормативных положений сложной правовой природы. Россий-

ская судебная доктрина гармонизирует многочисленные разноуровневые источники права и служит важнейшим фактором развития отечественного правового порядка.

Тенденции развития судебной доктрины в России. Российская судебная доктрина — концепт конституционного взаимодействия ветвей власти в России, способствующий эффективной реализации государственных функций. Сегодня категория российской судебной доктрины — один из ведущих и в высшей степени необходимый элемент национального правового сознания, инновационная часть отечественной правовой стратегии XXI в. Сложная социальная природа судебной доктрины обусловила и неоднозначность тенденций ее развития.

Во-первых, возрастает методологическое значение развития отечественного процессуального права, его известный приоритет по отношению к праву материальному, как в романских и германских правопорядках. Сбалансированная процессуальная система России купирует пореформенную турбулентность, пробельность и противоречивость материального права и законодательства. В юридических процессах находятся ключи к решению многих социальных проблем, в том числе в области защиты фундаментальных прав человека.

В России действует своеобразное общее право — правовой обычай судебного правоприменения, основанный на профессиональном правосознании судей. Судебная власть через свои акты становится всё более самостоятельным участником многообразных актуальных преобразований, расширяя формально-континентальные плацдармы в системе правового регулирования в сферах интеллектуальной собственности, цифровизации, технологического развития, биоэкономики, противодействия санкционному давлению, создавая новый симбиоз правообразования и правоприменения в инновационных комплексах общественных отношений.

Во-вторых, в судопроизводстве происходит постепенное вытеснение агрессивного, формально-состязательного характера процесса письменными и примирительными процедурами. Это явление знаменует самое начало эпохи восстановления русским судебным процессом соответствующего его правовой природе примирительного характера. Данная тенденция только разворачивается, поскольку судебная практика пока еще во многом отражает норму правосознания о господстве государственного

суда, об упрочности и неавторитетности соглашения сторон.

Однако социальный опыт России показывает несостоятельность абсолютизации принципа состязательности, свидетельствует в пользу принципов социального равенства и «внесловной» справедливости. В рамках национальной судебной доктрины продолжаются поиски идентичного России суда.

На всем протяжении XX в. в России и мире наблюдалась тенденция стихийной рецепции институтов розыскного процесса и эволюции в сторону активной роли суда. Разумеется, появление этих элементов не имеет ничего общего со средневековым формальным процессом, но показывает важные закономерности развития судебного права в эпоху глобальных вызовов и угроз, которым модель судопроизводства XX в. уже не в состоянии противодействовать.

В-третьих, в России происходит сложная интеграция историко-культурных, этноментальных и космополитических элементов при формировании национальной модели судебной власти, которая в XXI в. демонстрирует поиски собственного судебного права в преодолении классических форм неэффективного и в известной мере аморального судопроизводства западных правовых культур XX в.

Российская модель правосудия снимает тупики европейской и англо-американской систем, построенных на политико-экономическом диктате правящих элит в судопроизводстве. Россия по моральным и человеческим основаниям приближается к более человекоориентированному суду в структурном отношении — к смешанной, инквизиционно-состязательной системе, сочетающей разные классические порядки судопроизводства, которые дают шансы правосудию для граждан в соответствии с господствующими представлениями о социальной справедливости.

В преодолении западного рационалистического, кастового суда, освобождении от его бюрократизма, профессиональной замкнутости, бесконечной политизации, в интеграции в подлинно демократические институты судоустройства и политической системы, в народные начала состоит основное направление эволюции отечественной модели судопроизводства.

Какие общественные и индивидуальные проблемы следует решать в государственной судопроизводственной форме? Как эта форма соотносится с национальными формами жизнедеятельности и жизнеустройства в России? Что есть русская судебная традиция, без культур-

ного возрождения которой никакие идеи о высокой миссии суда невозможны? Эти вопросы представляют определенное поле альтернатив развития воззрений на российский суд.

Россия остро нуждается в новом этапе развития национально-ориентированной судебной системы. Демократизм, прозрачность, социальная эффективность этой системы — критерии в том числе международного правового сообщества.

Опыт XX в. показывает, что Россия через преемственность различных политических этапов сформировала органичную, соответствующую международным стандартам и одновременно национально-ориентированную доктрину суда с широкой диверсификацией форм правосудия, включая негосударственную систему разрешения споров. Мы постепенно уходим от навязанных стереотипов зависимого мышления в сфере права и правовой культуры. Востребованы стратегии правового развития России по всему спектру институтов правовой системы; пришло время копировать господство отдельно взятых эпох и подходов, мешающих выйти на новую проблематику, сохраняя тем не менее эти эпохи как исторический фундамент для новых актуальных постановок.

Выводы. Наша задача — содействовать формированию судебно-доктринальной методологии правового регулирования в условиях новой российской правовой традиции XXI в., в отрицании прецедентных и позитивистских систем уходящего времени. Необходима судебная методология реализации базовых отраслей права в их современном комплексном межотраслевом выражении. Эта методология востребована для устранения административных барьеров в инновационных областях правового регулирования, которые связаны с развитием собственно законодательных институтов.

Одним из фундаментальных выводов может быть предположение о новом этапе сложной конвергенции и одновременно дивергенции в структуре национальной юридической формы. Этот процесс дает возможность дополнительного эффективного регулирования и изменения регуляторной картины в ключевых сферах, в частности с новыми субъектами права гибридной природы. Судебные доктрины способствуют более точному регулированию изменяющихся и новых общественных отношений, повышению их приспособляемости к актуальным вызовам.

Юридическая доктрина развивается согласно присущим ей общедогматическим закономерностям, имеет процедурно-процессуаль-

ный характер, что, однако, не дает оснований отождествлять ее с юридическим процессом. Судебные доктрины (концепции) не следует смешивать с правовой активностью суда и в целом с юридической практикой. Судебная доктрина имеет структуру, которую условно можно разделить на правотворческую, право-применительную, интерпретационную, а также распорядительные ее элементы.

Итог формирования судебной доктрины — специальная форма обобщения деятельности законодательных и правоприменительных органов по выработке правил в результате социально-правовой практики.

Субстанциональным элементом юридической доктрины выступает правовое положение (правоположение), которое олицетворяет единство трех измерений правовой культуры: творчества права, применения права и индивидуального правового регулирования.

В настоящее время необходимо формирование значительно более дифференциированной картины правового регулирования, включающей систему диверсифицированных источников права. Обязательны уточнение категориального аппарата концепции правового регулирования, разработка логико-методологического инструментария различных типов правоотношений, ситуаций, методов правообразования, правоприменения, аппарата

описания судебного управления правовыми связями.

Важным является всё, что касается системы классификации и упорядочения структурных элементов судебной доктрины, благодаря которым последняя может быть выражена как устойчивая структура, обладающая целостностью и единством с иными источниками права. Судебная доктрина характеризуется наличием не только координации (взаимодействия элементов), но и субординации, особых управляющих механизмов, способов постоянного обновления ее элементов. Это предмет дальнейших исследований.

Современная судебная доктрина в России играет роль не только незаменимого источника доктрины права в широком ее смысле, но и методологического ориентира, определяющего вектор развития правовой системы. Представление этого вектора крайне важно для актуализации научных исследований с учетом нового теоретического синтеза правового опыта России в XX в. Современный этап развития правопорядка связан с интеграцией двух основополагающих направлений правообразования — законодательного и социального, включая судебную практику, на стыке которых возникают дополнительные регулятивные комплексы, которым предстоит занять центральное положение в условиях социального и технологического прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. М., 2017. 672 с.
- Бошно С. В. Прецедент, закон и доктрина (опыт социолого-юридического исследования) // Государство и право. 2007. № 4.
- Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории. М., 2009. 187 с.
- Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. М., 2017. 592 с.
- Лесив Б. В. Основы правового реализма О. Холмса // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6. С. 188–192.
- Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. 760 с.
- Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебное право. М., 2017. 448 с.
- Межеккей А. В. Правотворчество как единство его объективного и субъективного аспектов // Право и государство: теория и практика. 2021. № 5. С. 168–170.
- Перевалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации. М., 2022. 336 с.
- Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения. Саратов : СГЮА, 2021. 430 с.
- Россинский С. Б. Средства доказывания в «дореформенном» уголовном процессе Российской империи: уроки истории // Юридическое образование и наука. 2025. № 9. С. 23–28.
- Синюков С. В. Механизм правотворчества современного российского государства. М., 2025. 184 с.
- Синюков В. Н., Синюков С. В. Инновационный правопорядок. Теория правопорядка В. В. Борисова в современном российском контексте. М., 2026. 252 с.
- Стрельцова Е. Г. Приватизация правосудия : монография. М., 2021. 240 с.
- Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.] ; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗИСП : Норма, Инфра-М, 2021. 344 с.

Шерстюк В. М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. 400 с.

Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 452 с.

REFERENCES

- Blum G. The Western Canon. Books and School of All Times. Translated from English by D. Kharitonov. Moscow; 2017. (In Russ.).
- Boshno SV. Precedent, Law, and Doctrine (An Empirical Socio-Legal Study). *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2007;4. (In Russ.).
- Khabrieva TYa, Kovler AI, Kurbanov RA. Doctrinal Foundations of the Jurisprudential Practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Moscow; 2023. (In Russ.).
- Lesiv BV. The basics of O.W. Holmes' legal realism. *Law and State: The Theory and Practice*. 2021;6:188-192. (In Russ.).
- Marchenko MN. Sources of Law. Moscow; 2005. (In Russ.).
- Marchenko MN. Judicial Lawmaking and Judicial Law. Moscow; 2017. (In Russ.).
- Mezhekkey AV. Lawmaking as a unity of its objective and subjective aspects. *Law and State: The Theory and Practice*. 2021;5:168-170. (In Russ.).
- Perevalov VD. Legal Doctrine: Problems of Formation and Implementation. Moscow; 2022. (In Russ.).
- Rossinskiy SB. Means of Proof in the «Pre-Reform» Criminal Process of the Russian Empire: Lessons of History. *Juridical Education and Science*. 2025;9:23-28. (In Russ.).
- Russian Legal Doctrine in the Twenty-First Century: Challenges and Approaches to Their Resolution. Saratov: SGYuA Publ.; 2021. (In Russ.).
- Serkov PP, Lazarev VV, Gadzhiev Khl, et al. Judicial Doctrines in Russian Law: Theory and Practice. Moscow: IZiSP, Norma, Infra-M Publ.; 2021. (In Russ.).
- Sherstyuk VM. Theoretical Problems in the Development of Civil Procedural Law, Arbitrash (Commercial) Procedural Law, and Enforcement Proceedings in the Russian Federation. Moscow; 2021. (In Russ.).
- Sinyukov SV. The Mechanism of Lawmaking in the Contemporary Russian State. Moscow; 2025. (In Russ.).
- Sinyukov VN, Sinyukov SV. The Innovative Legal Order: V.V. Borisov's Theory of Legal Order in the Contemporary Russian Context. Moscow; 2025. (In Russ.).
- Streltsova EG. Privatization of Justice. Moscow; 2021. (In Russ.).
- Vasiliev AA. Legal Doctrine as a Source of Law: Issues of Theory and History. Moscow; 2009. (In Russ.).
- Zorkin VD. The Constitutional Court of the Russian Federation: Doctrine and Practice. Moscow; 2017. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Синюков Владимир Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vnsinyukov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Sinyukov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vice-Rector for Research, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vnsinyukov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 29 октября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 4 ноября 2025 г.
Принята к печати 15 декабря 2025 г.

Received 29.10.2024.
Revised 04.11.2025.
Accepted 15.12.2025.